

• СЛЕДЫ ДО ПРОБУЖДЕНИЯ •

Пока ничего не происходит



• Денис Пожидаев •

Денис Пожидаев

Пока ничего не происходит

«Автор»

2026

Пожидаев Д.

Пока ничего не происходит / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

В Долгодне утро тянется так медленно, что кажется, будто день и не начинался. Мальчик Тален изнывает от скуки и мечтает, чтобы хоть что-нибудь случилось, — и не замечает, как много живого прячется в этом «пока ничего не происходит». Элиан и его спутники проходят край, где время идёт вяло, и открывают, что скука — не враг, а тихая дверь: если не гнать её, за ней обнаруживается интерес. Шестая повесть — про скуку, ожидание и умение быть там, где вроде бы ничего не происходит.

© Пожидаев Д., 2026

© Автор, 2026

Денис Пожидаев

Пока ничего не происходит

СОН, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Цикл «Следы до пробуждения»

ПОКА НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ

Повесть шестая

Глава 1. Обычный день



Утро в Долгодне тянулось долго и ровно — свет ложился длинной ленивой полосой, и часы шли так медленно, что казалось, будто день и не начинался.

А Тален уже собирал два набора инструментов разом.

Он всегда так — брался за два дела сразу, потому что одно ему было мало, скучно, тесно. Правой рукой складывал зажимы для домашнего круга — вычистить сток, дело нудное, но семейное, его сегодня очередь. Левой уже тянул к себе другой набор, для новой пробы.

Потому что на пластине у Перехода висело новое объявление: Верхние Пробы открывают набор — кто первым придумает, как по-новому крепить наблюдательные рамки. Первым придумать! У Талена уже чесались руки, уже роились три идеи, уже хотелось бежать.

А сток надо было вычистить. Скучный, долгий, вчерашний сток.

— Мели, — сказал он младшей сестре, суя ей зажимы для стока. — На, доделаешь? Там почти всё готово, я начал, осталось чуть-чуть. Правда почти готово.

Мели не взяла. Отступила, спрятала руки за спину.

— Я не брала, — сказала она. — Это твоя очередь. Я не соглашалась. Ты не суй мне.

— Да это почти готово! — Тален потряс зажимами. — Один шаг остался. Ну что тебе, трудно?

Ему это казалось справедливым: он ведь начал, он придумал, как чистить быстрее, — а доскрести пусть кто-нибудь. Начать — интересно. Доскрепать — пусто. Раз он придумал начало, скучная середина не его дело.

Мать, Лира, вздохнула — и молча взяла зажимы у Талена. Сама. Как всегда. Провела рукой по домашней пластине — закрыла передачу, вписала, что сток будет сделан.

Тален выдохнул: свободен.

Но отец, Орд, оторвался от своей работы и глянул на пластину.

— погоди, — сказал он. — А кто теперь делает-то? Тут стоит, что начал Тален. А доделывает кто? Мели не брала, ты, Лира, вписала «будет». А руки чьи? Кто теперь делает?

На пластине имя стояло — Талена, как начавшего. А кто доскребёт сток на деле — было не разобрать. Начал один, вписали «будет», а исполнитель размылся, растворился между тремя.

Талену этот разговор был скучен до зубовного скрежета. Начал — значит, участвовал, значит, всё, дальше не его. Кто там доскребёт — какая разница.

— Разберётесь, — бросил он, схватил второй набор, тот, для пробы, и вышел первым, не дослушав.

В руке он уносил недособранный инструмент — тот, что чуть позже ляжет на Ленту. А за спиной осталась пластина, где действие исчезло, а имя обязанности — нет. Тален этого даже не заметил. Обычное утро. Ничего не случилось.



Участок НД-27, слой четвёртый, был их с Нимой. Кусок Ленты Незаметных Дней — длинной полупрозрачной полосы, на которую в Долгодне каждый день наносили по одному тонкому штриху.

Один штрих ничего не значил. Только когда слоёв набиралось много и их накладывали друг на друга, сквозь них медленно проступал рисунок — какое-то тихое, ползучее изменение, которого в одном дне не разглядеть. Лента хранила не события. Она хранила переходы — то, что между днями, незаметное.

Нима была уже там. Она пришла раньше и уже выровняла носитель — натянула волокно ровно, проверила рамку. Нима всегда приходила раньше и всё выравнивала.

— Слушай, — начал Тален с ходу, — а давай крепить под другим углом. Вот так наклоним рамку — и штрих ляжет чётче, и рисунок проступит быстрее. Я по дороге придумал.

Идея была красивая. У Талена всегда были красивые идеи.

Нима не бросилась хвалить. Она посмотрела на свободный край Ленты, где чуть шевелилось волокно.

— Ты считаешь крепление, — сказала она, — а ветер — нет. Наклонишь так — боковой ветер поведёт волокно, и штрих поплывёт. Тут с этого края всегда тянет под вечер.

— Да ну, ветер, — отмахнулся Тален. — Незаметный совсем. Не поведёт.

Проверили. Наклонили, нанесли пробный штрих — и к тому времени, как потянуло вечерним боковым, штрих поплыл. Ровно как сказала Нима.

Тален смотрел на смазанную линию. И — вот тут была его сила, а не только беда — не стал упираться.

— Ладно, — сказал он. — Тогда считаем иначе. Учтём ветер. Как ты говоришь.

— Сначала назови условие, — сказала Нима. — Вслух. Что при этом угле ветер сносит. Чтоб мы не забыли, отчего меняем.

И Тален назвал. И они переделали — вместе. Он придумал новое крепление уже с поправкой на ветер, она выверила, и вдвоём провели малый цикл. И вышло. Получился точный, чистый локальный результат — маленький, но настоящий.

И в этот час, пока оба стояли у Ленты, они были равны. Тален придумывал, Нима выверяла, ошибка ловилась, метод менялся — и работа шла, живая, общая. Так бывало, когда оба присутствовали по-настоящему.

Только вот что: этот малый успех был последним ярким за много дней. Дальше Лента обещала одно и то же — штрих за штрихом, одинаковые, медленные. И у Талена, ещё довольного, уже засвербело внутри знакомое: скоро станет скучно.



Элиан стоял на краю Поля Ленты, где под длинным ровным светом тянулись натянутые полосы, и смотрел, как Тильда раскладывает записи его Проблесков.

Их было много — почти одинаковых. Одно и то же движение руки, один и тот же контакт с каким-то предметом, тусклая вспышка — и ничего яркого, никакого события. Просто повтор за повтором, чуть-чуть разные.

Один фрагмент был поярче прочих. Элиан ткнул в него.

— Вот этот, — сказал он. — Этот самый ясный. Давайте оставим его, а прежние уберём. Они же почти одинаковые — что их держать. Возьмём лучший и пойдём дальше, к тому, где наконец что-то меняется.

— Они почти одинаковые, — повторил он, и в голосе было раздражение человека, которому надоело пересматривать одно и то же. — Зачем хранить десять почти-копий.

— Почти — не одно и то же, — сказала Тильда. Она не дала убрать ни одной. — Смотри. Вот тут рука чуть выше. Тут пауза длиннее на вздох. Тут другой звук. Малые отличия — но они есть, и в каждом своё. Уберёшь «почти-копии» — сотрёшь как раз то, что связывает их в ряд. Один яркий сам по себе ничего не докажет. Доказывает последовательность.

Карманыч тем временем проверял ключ — тот самый, белый, с двумя зубцами, зазором и подвижной перемычкой, что появилась в прошлом краю. Он двигал перемычку и хмурился.

— Странно, — сказал он. — Хочу поставить её сразу в конечное положение, к последнему, яркому, — а она не держится. Соскальзывает. Не встаёт без соседнего, без предыдущего. Будто ей надо пройти все по очереди, а перескочить нельзя.

А Раньше, обнюхивавший записи, вдруг остановился — на пропущенной позиции, там, где в ряду был пробел. Сел и дальше не пошёл. Следа движения через пробел для него не было.

— Вот, — сказал Карманыч, глядя на пса. — И у него так же. Следа движения нет. Где пропущено — там пёс встаёт. Не перескакивает.

Элиан слушал — и умом соглашался: да, ряд, да, связь, да, нельзя убирать. Но внутри всё равно тянуло к яркому: хотелось выхватить один ясный кусок, назвать его собой, своим прошлым, — и не возиться с тусклой чередой почти-повторов. Ему нужен был результат, подтверждающий, кем он был. Ясный, быстрый ответ.

Он сохранил все записи. Но без убеждённости — уступив Тильде, а не поняв до конца.

И не знал ещё, что тут же, на этом Поле, есть мальчик, которому так же не терпится: выхватить итог и выбросить середину.



В зоне наложения, где на просвет складывали много слоёв Ленты разом, Тален хотел доказать, что их с Нимой участок стоит сохранить.

Потому что участок собирались закрыть. По Кругу Смен пора было передавать дело дальше, а результата пока не было — одни одинаковые штрихи. Йара, из смотрящих за Кругом, ждала статуса: живой участок или пустой.

Нима восстановила условия — выставила рамки, свет, наложила слои как надо, чтоб дар Талена сработал точно.

Тален приложил ладонь к сложенным слоям и стал считать. Его дар — Счёт До Разницы — умел одно: чувствовать, сколько ещё одинаковых повторов осталось до следующего настоящего изменения. Не глазами, не цифрами — телом: ударами в пальцах, тяжестью в счёте.

— До рисунка — десять, — сказал он. Ясно, уверенно. — Ещё десять таких же дней, десять штрихов — и рисунок начнёт проступать. Всего десять.

Десять ударов легли в пальцах чётко, приятно, коротко.

— До рисунка или до ответа? — спросила Нима.

— Что?

— Ты посчитал, за сколько рисунок станет виден. А за сколько он станет доказан? Виден — это одно. А доказан — что это настоящее изменение, а не случайность, — это другое. Сколько до этого?

Тален снова приложил руку — посчитать до доказанного. И счёт не пошёл. Второй ритм не замкнулся, распался за грудиной, не дал числа. Дар молчал.

Он менял вопрос так и эдак — «до надёжного рисунка», «до доказанного», «до настоящего», — и всякий раз счёт рассыпался. Дар считал только до видимого. До того, что докажет, — не считал.

Вот он, предел. Тален чувствовал, за сколько повторов рисунок станет виден на глаз. Но не мог сказать, будет ли этот рисунок правдой. Дар давал число — а число было только про то, как скоро станет похоже, а не про то, будет ли оно настоящим.

Но Тален слышал только первое, удобное: десять. И десять легло ему не как условие, а как помеха. Всего-то десять одинаковых, пустых, скучных дней стоят между ним и рисунком, между ним и открытием, между ним и тем, чтоб имя осталось за находкой. Десять пустых дней. Их бы убрать.

— К завтрашнему вечеру нужен статус, — сказала Йара, проходя. — Живой участок или закрываем. Решайте.

Завтра к вечеру. А до рисунка — десять. Не успеть. И Тален, вместо того чтоб принять эти десять как то, что надо прожить, пошёл искать другое: нет ли способа не ждать. Обойти. Сократить. В Долгодне, городе, что любит быстрое новое, такой способ наверняка где-то был.

Глава 2. Чужая рука



На архивном мостке, где под стеклом хранились старые журналы Круга Смен, Тален искал способ не ждать десять дней.

Должен же быть быстрый путь. Город любит быстрое — значит, кто-то уже сокращал.

И нашёл. Старый успешный метод: если процесс уже проверен, можно не тянуть весь ряд заново, а перейти к сокращённому — система сама достроит проверенную середину.

Авен, хранитель мостка — немолодой, дотошный, но не проповедник, — показал Талену, как это работает. И тут же — где загвоздка.

— Вот только смотри, — сказал Авен, разворачивая пластину. — Чтоб пойти быстрым путём, надо старый ряд закрыть. Здесь. Совсем. Старый ряд здесь закончен — и дальше начинается новый, с нового отсчёта. Быстрый путь — это не «доскочить по старому». Это «начать заново, но короче».

— Да какая разница, — сказал Тален. — Старый закрыть, новый открыть — результат-то тот же. Рисунок тот же выйдет. Это формальность, бумажка.

— Не бумажка, — сказал Авен и провёл пальцем Талена по двум образцам. — Пощупай. Старый след — вот, шершавый по-своему. Новый — по-другому. Это разные материальные следы, не один. Быстрый путь оставляет свой след, честный. А старый на нём не продолжается — он закрыт.

Нима, пришедшая следом, добавила:

— Путь другой — поэтому и запись другая. Хочешь быстро — можно. Но тогда это будет новое, твоё сегодняшнее, а не наше долгое. Начнёшь с чистого. И имя за находкой будет уже не «Тален и Нима, участок НД-27», а «Тален, новый короткий ряд». Другое.

И вот тут Тален понял, что законный быстрый путь ему не годится. Ему не нужно было «начать заново». Ему нужно было, чтоб их долгий, красиво начатый когда-то ряд — с его именем, с его первой идеей — дошёл до рисунка. Чтоб находка была его, старая, заслуженная. А быстрый честный путь давал только разрешение начать сначала — и терял старое авторство.

Техническое различие он признал. И тут же обесценил: подумаешь, след другой, кому какое дело до шершавости, важен же рисунок.

Законный способ был. Честный, рабочий, вот он. Только он стоил Талену того, чего он отдавать не хотел, — старого имени за старым рядом. И Тален, отвергнув честное сокращение, пошёл домой за инструментом — ещё не зная толком, что будет делать, но уже не желая ни ждать десять дней, ни начинать с нуля.



Дома его встретил недочищенный сток.

Мели показала ему незавершённый предмет — тот самый, утренний.

— Вот, — сказала она. — Ты начал. Оно не доделано. Я не делала.

Ли́ра, мать, объяснила: часть она закрыла сама, руками, чтоб сток не стоял. Но только часть.

— И вот что, — сказал Орд. — На пластине надо развести: кто начал и кто делал. Ты начал — это правда, впишем. Но доделывала мать, кусок, и осталось ещё. Помощь не меняет прошлую руку, Тален. Мать помогла — но начал-то ты, и бросил ты, и это в записи должно стоять как есть.

«Помощь не меняет прошлую руку». Тален поморщился.

— Да это всего одна запись, — сказал он. — Сток! Кому вообще важно, чья там рука по стоку. Начал, помогли, доделается — какая разница, кто где.

— Ты начал. Я не делала, — упрямо повторила Мели. — Не пиши, что я.

И Талена эта мелкая точность раздражала — куда сильнее, чем стоил того сток. Потому что она задевала не сток. Она задевала его всегдашнее: начал — и считай себя причастным, а руки пусть чьи-нибудь. Орд же требовал другого: чьи руки — те и в записи, а начавший — отдельно. Если так по стоку — то так и везде. И это Талену было очень неудобно.

Он доделал сток — только самый быстрый кусок, тот, что можно было смахнуть за минуту. Остаток оформили отдельно, честной пометой: начал Тален, доделала Ли́ра, доскрёб сегодня, вот этот край, снова Тален.

Ему сунули в руки точную формулу — кто что и чьей рукой, — второй раз за день. И второй раз он не приложил её к себе. Схватил инструмент нового крепления и заторопился обратно на Ленту — где Нима, он знал, уже работает без него.



Нима закончила свой цикл — свою часть, честно, как всегда.

И проверила: Талена нет. Опять нет. Он ушёл утром, обещал вернуться, не вернулся. Его поле на сегодня стояло пустым.

Она открыла честное пустое поле — так, как учили: если не сделано, оставь пусто и помечай «здесь не смотрели». Пустое поле — не позор. Всё правильно. Оставить пустым.

Рука её замерла над пустым полем.

И Нима представила, как придёт Йара, увидит пустое поле в их участке и скажет: обрывается ряд, значит, участок мёртвый, закрываем. А ещё представила, как вернётся Тален — к готовому рисунку, — и как всё опять станет «мы», как раньше, если только ряд не прервётся.

И Нима сделала то, чего делать было нельзя.

Она поставила знак Талена. Своей рукой. Запястье напряглось, повторяя чужое движение, — его нажим был другой, размашистый, а у неё аккуратный, и подделывать было телесно неловко, — но она поставила. Отметила его присутствующим там, где его не было.

И она знала, что это ложь. Не устала, не «помогла по-дружески» — а сознательно вписала того, кого не было, как бывшего. Ясно знала. И всё равно поставила.

«Только до его возвращения, — говорила она себе. — Вернётся, и всё выправится. Условия ведь не изменились — ветер тот же, свет тот же, я всё сделала как надо, будто он тут. Поле не должно оборвать серию. Оборвётся серия — оборвётся и всё остальное».

И под этими доводами лежало то, в чём она себе не признавалась: она сохраняла не только научный ряд. Она сохраняла право звать их всё ещё «мы». Пока в записи стоят двое, пока участок общий — они с Таленом ещё вместе. Сотри его знак — и придётся признать, что вместе их больше нет. А этого Нима не хотела больше всего.

Она сделала маленькую тайную пометку — «исправить» — и спрятала её в основной журнал, между строк, где не сразу найдёшь. Чтоб потом. Когда-нибудь. Когда Тален вернётся и всё станет правдой задним числом.

А Тален уже шёл к участку — и его дар, чуткий к любому повтору, к любому нажиму, уже готов был узнать на Ленте не свою руку.



Тален пришёл — и сразу почувствовал неладное.

Его дар цеплялся за повторы, за нажимы, за то, как ложится рука. И на сегодняшнем поле — на его поле — лежал знак с чужим нажимом. Аккуратный, ровный. Не его размашистый. Нимин.

— Ты ставила мой знак, — сказал он. Не спрашивая — зная. — Сегодня. Сколько раз? Одна отметка?

— Не одна, — сказала Нима. Не стала врать. — Не только сегодня.

— Так это подделка, — сказал Тален, и в нём поднялось горячее, обиженное. — Ты подделывала. Ставила меня, когда меня не было. Это же ложь, в записи, в Ленте.

— А кто работал, Тален? — ровно спросила Нима. — Все эти дни — кто стоял тут, кто наносил штрихи, кто ловил ветер? Я. Одна. Я ставила твой знак — а ты оставил мне своё место. Пустое. Каждый день пустое.

— Ты могла не делать, — сказал Тален. — Не ставить. Оставить пусто, как честно.

— А ты мог прийти, — сказала Нима. — Просто прийти и сделать. Тогда и подделывать бы не пришлось.

И оба замолчали, потому что оба были правы и оба виноваты — только по-разному, не поровну. Нима поставила ложный знак — это её. Тален бросил своё место — это его. И каждый держался за общий статус ради своего: Тален — чтоб находка осталась и его тоже; Нима — чтоб они остались «мы».

Идея была общая, условия общие — это правда, за это Тален и цеплялся: раз замысел наш, то и рисунок наш, чья бы рука ни водила. Но рука-то была одна. Нимина.

Послышались шаги — Йара, обходя участки. И у Талена оборвался счёт в пальцах, как всегда при взрослом над душой.

Секунду они смотрели друг на друга. Сказать Йаре значило: участок останоят, разберут ложные отметки, всё вскрыется. И Тален промолчал. И Нима промолчала. Каждый по своей причине — но оба выбрали не сообщать.

И этим они связали себя друг с другом нехорошей ниткой: теперь у каждого было на другом. Нима держала, что Тален бросил место. Тален держал, что Нима подделывала. Молчаливая сделка, в которой никто не чист.

Йара прошла мимо. А Тален, чувствуя, что запутался, что виноват и обижен разом, пошёл искать того, кто скажет ему, что он прав. Пошёл к Скуке — за оправданием.

Глава 3. Зал Следующего



Дом Скуки был не сер и не сонн, как Тален ожидал. Наоборот — весь набит интересным.

Правитель — взрослая неопределённых лет, с быстрым, всё время перескакивающим взглядом — была одета в лоскуты незавершённых образцов: каждый лоскут сам по себе занятный, а целое не сведено, не дошито. Она двигалась порывисто, живо начинала жест — и обрывала, не докончив, тут же хватаясь за новое. При новом она оживала. При повторе — тускнела.

Дом предлагал Талену образцы — десятки начатых, брошенных, любопытных штук. Тален узнал себя и обрадовался: тут его поймут.

— Мне надоела Лента, — начал Тален. — Скучно. Одно и то же, штрих за штрихом.

— «Надоело» — это ни о чём, — сказала Скука, и в голосе не было ни злобы, ни сонливости, только острый интерес. — Что именно? Назови точно. Что здесь перестало меняться?

— Да всё. Лента не меняется. Стоит на месте.

— Неправда, — сказала Скука и провела Талена рукой по слоям. — Пощупай. Материал меняется. Медленно, на волос, но меняется — это ты сам своим даром считаешь, десять до рисунка. Лента живая. Не она стала мёртвой.

— Тогда что? — не понял Тален.

— Твоё участие, — сказала Скука. — Не Лента исчерпалась. Ты исчерпался — твой способ смотреть на неё. Ты уже всё увидел своим первым взглядом, придумал крепление, поймал первый красивый фрагмент — и с тех пор смотришь по-старому, а по-старому уже нечего брать. Скучно тебе не оттого, что Лента пустая. А оттого, что твой прежний способ с ней кончился.

И это было точно — так точно, что Тален замер. Никто ещё не разбирал его так верно. Не «ты ленивый», не «терпи» — а вот это: способ кончился.

— И что делать? — спросил Тален.

— Что-то из трёх, — сказала Скука. — Отдохни — устал, так отдохни, это не грех. Или смени вопрос — спроси у Ленты другое, не то, что спрашивал, и она снова оживёт. Или уйди честно — если вправду отходил своё, скажи это вслух и уйди, оформив. Три ответа. Выбери верный.

— Знаешь результат или прожил путь? — прибавил Правитель, глядя в упор. — Ты говоришь «я уже знаю, что будет». А ты это знаешь — или прожил? Разница есть.

— Я уже знаю, что будет, — упрямо сказал Тален, пропустив вопрос мимо. — Рисунок проступит, я же посчитал. Зачем мне тянуть десять пустых дней, если итог известен?

Из трёх ответов Правителя — отдых, новый вопрос, честный уход — Тален услышал только одно, и не то: разрешение не повторять. «Не повторяй пустое» он вынул, а «отдохни, спроси иначе, уйди честно» пропустил. Взял из точного разбора одну удобную половинку.

— Пойдём, — сказала Скука, безо всякого злодейства, просто ведя дальше. — Покажу тебе учебный двор. Там как раз честно останавливают мёртвую серию. Посмотришь, как это делается по-настоящему.



На учебном дворе девочка по имени Вея повторяла одно и то же движение узла — снова, снова, снова.

— А зачем? — спросил Тален. — Что ты проверяешь?

Вея остановилась, растерянная.

— Я не знаю, что ещё проверяю, — сказала она честно. — Мне велели двадцать раз. Я делаю. А что проверяю — забыла. Или и не знала.

Нима, оказавшаяся тут же, сказала:

— Раз не ясно — тогда надо проверить ещё раз. Доделай число. Двадцать так двадцать. Не бросай на середине.

И это было — Тален заметил — Нимино насквозь: доделать число, потому что положено число, а не потому, что есть живой вопрос. Повтор ради повтор.

— А какая цель у серии? — спросила Скука. — Зачем эти двадцать? Что они должны показать?

Никто не назвал. Ни Вея, ни наставница по бумаге. Цель потерялась. Осталось голое число.

— Тогда стоп, — сказала Скука, и была права. — Серия без вопроса — мёртвая. Двадцать повторов, которые ничего не проверяют, — пустая форма. Такое честно останавливают. Не тяните.

И серию остановили — правильно, честно. Но тут наставница площадки, настоящая, не бумажная, подошла к Вее.

— Мёртвую двадцатку — брось, — сказала она. — А вот это одно движение — доучи. Оно тебе в руку ещё не легло. Не для числа. Для того, чтоб рука умела.

И Вея кивнула:

— Сначала хочу закончить вот это движение, — сказала она. — Один раз, но по-настоящему. Чтоб получилось.

И сделала — один цикл, осмысленный, до конца. Мёртвую серию бросила. А нужный навык довела.

Тален смотрел — и брал из этого только удобное. «Мёртвую серию останавливают» — вот это он запомнил, крупно. А «отдельный навык всё равно надо довести» — пропустил, стёр. Из сложного — «одно бросай, другое доделывай» — он вынул простое: повтор можно убрать. И понёс это простое дальше, к своей Ленте.

— А к моему участку это подходит? — спросил он Правителя. — Раз серию можно останавливать — значит, и мои десять пустых можно?



В Зале Следующего город умел перескакивать к следующему состоянию — там были служебные связи, что переводили процесс дальше.

Тален принёс модель — свою, придуманную за день. Задал узкий параметр: видимый рисунок Ленты. Скука помогла выставить ожидаемую форму — как рисунок должен выглядеть, когда проступит.

Служебная связка показала законный ход: да, можно закрыть ряд и получить результат — но только после того, как реальные циклы пройдены. После причины. Сначала прожить десять — потом связка честно закроет.

— А можно иначе, — сказала Скука, и вот тут в её точности впервые пошёл наклон. — Признай эти десять циклов известной серединой. Ты же их знаешь — они одинаковые, ты сам посчитал. Зачем проживать то, что известно заранее? Отметь их пройденными — и связка переведёт к рисунку. Ты уже понял достаточно.

Тален открыл поле пропуска — то место в журнале, куда ставится честная помета «здесь не смотрели». Открыл, не пряча. Система была готова принять — но принять как новый ряд.

— Учти, — сказала Скука, не скрывая. — Если оставишь пропуск честной пометой — это будет уже другой ряд. Не твой старый, долгий. Новый, короткий, сегодняшний.

— Если оставить пропуск, это будет другой ряд, — повторил Тален медленно.

— И другое имя, — сказала Скука. — Открытие запишут не за старым вашим участком, а за новым коротким. Старое — не сохранится.

— Результат тот же, — сказал Тален. — Рисунок-то один.

И в эту секунду Тален понял про себя нехорошее. Ему было не десяти дней жалко. Дни — ладно. Ему было жалко старого имени. Того, что он когда-то первым увидел, первым придумал, первым зажёл. Честный путь давал результат — но отнимал доказательство, что он, Тален, тут первый и главный. А без этого доказательства он боялся оказаться человеком красивых начал, за которым не записано ни одной настоящей находки.

Он закрыл поле пропуска. Без записи. Не сделал — пока. Но теперь он знал точно, где связка, где поле, как открывается, что нажать. Знал руками.

И унёс модель — на реальный участок. Пробовать. Или не пробовать. Ещё не решив.



Вечером Поле Ленты пустело, и по нему тянул ровный вечерний ветер. Тален остался один — с моделью и с выбором.

Он перебрал всё честное, что было. Каждый путь.

Честный погодный пропуск — пометить дни как непрожитые, оставить пусто. Цена: участок могут остановить, рисунка не будет к сроку.

Новый короткий ряд — законно, быстро. Цена: старое имя, старое авторство — прочь.

Десять циклов — прожить всё как есть. Цена: десять дней, а срок завтра. Не успеть.

Остановить участок — честно закрыть. Цена: проект, их с Нимой общее дело.

Поговорить с Нимой начистоту. Цена: признать, что «мы» уже не «мы».

Каждая честная дорога чего-то стоила — времени, имени, проекта или связи. Ни одна не была даровой. И Тален это ясно видел — не «у меня нет выбора», а наоборот: выборов полно, и все с ценой, и он ни одну цену платить не хочет.

Он подключил модель к связке — только пробы ради, посмотреть, встанет ли. Встала. Готова.

И не запустил.

Убрал руку. Оставил модель подключённой — у связи, наготове. Не пустил в ход, но и не отсоединил. Пусть стоит. Пусть будет.

— Почему ты продолжаешь? — донёсся издалека голос Правителя. Не злой, настоящий вопрос: зачем ты вообще держишься этого участка, этой Ленты, если тебе так тошно?

Тален не ответил.

Потому что честный ответ был бы неудобен. Он держался не за Ленту. Он держался за соблазн — за то, чтоб можно было, если что, обойти. Оставил модель подключённой ровно так же, как Нима оставила его ложный знак: наготове, «на потом», не решаясь ни сделать, ни убрать. Оба хранили свою маленькую заготовленную ложь — и оба говорили себе, что ещё ничего не сделали.

Он ушёл, оставив модель у связки. И знал, уходя, что завтра всё начнётся с неё — с той же модели, с того же открытого выбора. Ничего ещё не случилось. Пока.

Глава 4. Десять циклов



Наутро Тален пришёл первым — раньше Нимы, к пустому ещё участку.

Проверил условия: ветер, свет, слои. Всё как вчера. Приложил руку — счёт до рисунка остался тот же. Десять. Ничего не изменилось за ночь, никто не подгонял, срочности не было. Просто десять — и завтра к вечеру срок.

Он открыл поле пропуска. То самое место в журнале, куда ставится честная помета «здесь не смотрели».

Поднёс инструмент к отметке. Одно движение — и можно поставить честный пропуск, оставить дни пустыми, оформить как есть. Или — он помнил — начать новый короткий ряд, законно, чисто.

Обе честные дороги были вот тут, под рукой. Обе требовали одного: отдать. Пропуск — отдать рисунок к сроку. Новый ряд — отдать старое имя.

Издалека слышались шаги — Нима, идёт к участку. Ещё минута — и придётся при ней решать вслух, честно.

И Тален закрыл журнал. Не поставив честной пометы. Не оформив ни пропуска, ни нового ряда — вообще ничего честного не записав.

А вместо этого подключил связку. Ту, вчерашнюю, что стояла наготове. Щёлкнуло сухо.

— Только рисунок, — сказал он тихо, себе. — Мне нужен только рисунок. Остальное — пусто.

— Остальное повторится, — отозвался откуда-то Правитель. — Дни одинаковые. Что их проживать.

— Я знаю, — сказал Тален.

И это «я знаю» было не про то, что путь не нужен. Он-то как раз знал — вчера ему всё разложили, — что путь нужен, что «виден» и «доказан» разные вещи, что связка законна только после циклов. Он знал. Просто решил, что право на своё имя важнее этой проверки. Не «путь лишний» — а «моё имя дороже пути». Вот это он и знал.

Связка была подключена. Соблазн стал механизмом. И решение из мысли сделалось наполовину действием: осталось нажать.



В зоне наложения Тален встал у связки — и всё, что мешало, было при нём: и совесть, и знание, и открытое поле пропуска, куда ещё можно было поставить честное.

Он выбрал параметр — видимое совпадение. Тот, что дар умел считать. Проверил условия — сходятся. И тут же, рядом, поднялся второй ритм, тот, незамкнутый, доказанности. Дар тянулся посчитать, за сколько рисунок станет не просто виден, а доказан, — и не мог, ритм рассыпался, как вчера. До видимого — десять. До настоящего — неизвестно, дар молчит.

Тален посмотрел на поле пропуска в последний раз. Оно было открыто. Пустое, честное. Одно движение — и он оставит дни непрожитыми, помеченными правдой. Ещё можно.

— Не трать жизнь на середину, — сказала Скука. Тихо, разумно. — Десять одинаковых дней — это десять дней твоей жизни, вырезанных на пустое повторение. Зачем? Возьми итог.

— Я не меняю результат, — сказал Тален. — Рисунок будет тот же, что был бы. Я ничего не подделываю в итоге.

— Ты меняешь путь к нему, — сказала Скука. — Не итог. Дорогу. Итог придёт — но без дороги под ним.

— Путь уже известен, — сказал Тален. — Раз известен — зачем идти.

И он ввёл ожидаемую конфигурацию — ту форму, которую рисунок должен принять. Выставил, как показывала Скука.

А потом закрыл десять циклов. Регистрационно. Отметил их пройденными — все десять, разом, — не пройдя ни одного. В журнале встало: середина завершена. На деле середины не было.

Оставалось подтвердить — рукой, свободно, самому. Скука не касалась. Никто не двигал его руку. Тален держал зажим сам.

Он мог отпустить. Прямо сейчас, в эту секунду, — разжать пальцы, и ничего бы не случилось, поле пропуска ещё открыто, можно ещё честно.

Он не отпустил.

Из чужой поклажи, где-то на краю Поля, дрогнул Белый Укор — слабо, коротко, до того как всё замкнулось. Предупреждая. Тален услышал — и довёл.

Он удержал зажим и замкнул перевод.

И тут случилось странное, телесное. Десять ударов, что стучали в пальцах — десять до рисунка, — вдруг сжались. Не отсчитались один за другим, как положено, а слиплись в одно сплошное давление и — пропали. Обрыв. В руке стало пусто — та особая пустота, когда счёт был и вдруг его нет, а до конца он не дошёл.

Он не прожил десяти дней. Их не было — ни как дней, ни даже как воспоминания о днях. Не мелькнули перед ним десять картинок, не пронеслось ничего. Просто между «вчера» и «рисунком» встала дыра, пустой стык, ничем не заполненный.

А рисунок начал проступать. Настоящий на вид. Красивый. Тот самый, что Тален посчитал.

Со стороны это выглядело как новое ловкое сокращение — умный мальчик обошёл нудную часть. А на деле это было другое: он закрыл в записи то, чего не было в причинах. Итог встал — а опоры под ним неросло. Регистрация перескочила. Причина — нет.

Нима вошла — и застала последние секунды: Талена у связки, обрыв, проступающий рисунок. Спросить её, согласна ли, никто не успел. Да и не спрашивал.



На краю зоны наложения, в тот же час, Элиана снова накрыло — ярче обычного.

Среди его почти одинаковых Проблесков вдруг вспыхнул один — яркий, чёткий, будто наконец-то что-то случилось. Элиан вцепился в него.

— Вот этот отличается, — сказал он. — Смотрите, он не как прочие. Прочие — тусклые, одинаковые, шум. А этот — ясный. Может, это он и есть — ответ. Про меня.

Прежние фрагменты рядом с ним и вправду смотрелись пустой чередой — почти-копии, серый повтор, из которого хочется выхватить один яркий и забыть остальные.

— Он отличается после тех, — сказала Тильда. — Понимаешь? Он яркий не сам по себе — а оттого, что перед ним были те, тусклые. Убери их — и он перестанет отличаться, потому что не от чего будет. Его ясность — из их череды. Выхватишь его одного — и он погаснет, останется без того, что делало его ярким.

Карманыч двигал перемычку ключа — тянул к яркому, к конечному. Перемычка соскальзывала. Не вставала без соседнего, без предыдущего. Ей нужно было пройти все насечки по очереди — а через пропуск она не шла.

— До него нет следа, — сказал Карманыч, глядя на пробел перед ярким. — Вот он, кадр, а перед ним — пусто. Насечки нет. Будто он взялся ниоткуда, без движения к нему. А так не бывает: раз есть — значит, к нему что-то вело. А следа нет.

И Элиан, слушая, умом понимал — да, ряд, да, нельзя выхватывать. А внутри всё равно тянуло: взять этот один сильный кадр и сказать «вот я, вот моя непрерывность, вот доказательство, что я — это я». Ему нужен был один яркий фрагмент, который докажет, что он целый, единый, тянущийся из прошлого. Один — вместо тусклой честной череды.

Он не стёр старое. Но и не отпустил надежду на яркий ответ. Уступил Тильде — не поняв до конца.

И не знал, что там же, рядом, на Ленте, мальчик только что сделал ровно то, к чему тянуло его самого: выхватил рисунок и выбросил путь.



К полудню рисунок проступил весь — видимый, чёткий, красивый. Настоящий на глаз.

Нима, глянув, на миг не удержалась — в ней вспыхнуло профессиональное восхищение: рисунок был хорош, тонок, именно такой, какого они ждали годы. На один вздох она забыла всё и просто залюбовалась.

Тален назвал метод — свой, ловкий, «новое крепление». Записал за собой. Леа, из соседнего участка, ахнула, глядя на пластину статуса: их участок разом подскочил из «под вопросом» в «открытие».

Но Берн — городской мастер, что читал материал руками, — подошёл к направляющей и провёл по ней ладонью. И нахмурился.

— Погодите, — сказал он. — Рисунок есть. А направляющая гладкая. Новая совсем. Десять циклов её должны были притереть, износить на десять шагов. А тут ни следа работы. Гладко, будто и не ходило ничего.

Восхищение сошло с Нимы разом. Она посмотрела на Талена — прямо.

— Где десять циклов? — спросила она. — Тален. Рисунок есть, а износа нет. Где они?

— Они не дали бы ничего нового, — сказал Тален. — Одинаковые же. Я их... обошёл. Итог тот же, зачем их проживать.

— Тогда здесь должны были остаться следы, — сказал Берн, стуча по направляющей. — Хоть какие. Прошёл десять раз — осталось десять потёртостей. Не прошёл — гладко. У тебя гладко. Значит, не прошёл. А рисунок есть. Так не сходится.

Рисунок был — это правда, вот он, никуда не делся. И десяти следов не было — тоже правда, гладкая направляющая, чистая, неизношенная. Итог существовал. А путь — два разных носителя, материал Берна и вопрос Нимы, — в один голос говорили: пути не было.

И каждый видел то, что хотел сохранить. Тален — своё имя за открытием. Нима — свой настоящий труд, все эти дни в одиночку. Йара, подошедшая на шум, — шанс: живой участок, громкое открытие, слава Дому. Берн — материал, который не врёт.

— Так, — сказала Йара, оглядев. — Рисунок есть, а опоры под ним нет. Значит, объявить открытием я не могу. Показ возможен только как гипотеза. Не «нашли», а «предполагаем». И — временная проверка. Разберёмся, откуда рисунок без пути.

А край рисунка меж тем чуть повело — самый слабый его участок, тот, под которым не было накопленной опоры, начал терять устойчивость. И Берну, чтоб рисунок не поплыл совсем, предстояло его укрепить — поставить зажим сейчас, задним числом. Создать поздний слой поверх пустого стыка.

Глава 5. Линия Талена



В Низких Мастерских край рисунка повело всерьёз.

Тот участок, под которым неросло опоры — где Тален закрыл десять циклов, не пройдя их, — терял устойчивость. Рисунок был, а держаться ему было не на чем. Берн, мастер, оценил риск быстро.

— Поплывёт, — сказал он. — Если сейчас не укрепить — весь рисунок поведёт за слабым краем. Надо ставить зажим. Срочно.

— Поставь мой новый, — сказал Тален, обрадованный: вот, случай. — Тот, что я придумал. Он и удержит.

Берн взял зажим, установил — руками, сейчас, на глазах. Настоящая работа, честная, сегодняшняя. И рисунок встал ровно, перестал плыть.

— Вот! — сказал Тален. — Теперь он держится. Значит, всё правильно, значит, метод рабочий. Держится же.

— Теперь держится то, что я укрепил, — сказал Берн, не поднимая головы. — Не твой пропущенный путь. Мой зажим, поставленный сейчас. Держит вот это железо, которое я вкрутил минуту назад. А не десять циклов, которых не было.

— Но рисунок-то тот же, — сказал Тален. — Держится он или сам стоял — рисунок один.

— Состояние — да, — сказал Берн. — А история — нет. Как выглядит сейчас — то же. А как дошло до этого — другое. Раньше держалось бы само, на прожитом. Теперь держится на подпорке, которую я приставил задним числом. Снаружи не отличишь. А внутри разное.

И Берн поставил свою отметку — честно, своим именем, сегодняшним числом: «край укреплён Берном, тогда-то». И показал границу — где старый слой, а где его новый, поздний, поверх пустого стыка.

А Тален уже прикидывал своё: раз держится — значит, можно всем показать, что метод работает. Берн укрепил — а докажет это его, Талена, раннее авторство. Чужой поздний труд он хотел приспособить к своему старому имени. Держит Берн — а слава пусть Талену.

Устойчивый рисунок стал годен для показа. И Тален понёс его на площадку — показывать город.



На малой площадке Йара разрешила ограниченный показ.

Ная готовила короткую запись для города — и, чтоб вышло ясно и складно, убрала часть предупреждений. «Гипотеза», «происхождение проверяется», «край укреплен позже» — всё это загромождало, и Ная сократила, оставив главное: красивый рисунок, новый метод.

— А как назовём? — спросил Кайр, из смотрящих. — Открытие должно иметь имя. Ну... «Линия Талена». Коротко, звонко. Талена.

«Линия Талена». Единолично. Без Нимы, без десяти циклов, без «предполагаем».

Тален слышал это — и не поправил. Не сказал «мы с Нимой», не сказал «это гипотеза», не сказал «путь под вопросом». Промолчал. Дал имени встать как есть — своему, одному.

— Она не прошла только через него, — сказала Нима громко. — Эта линия. Тут мои дни, мой труд, все эти наблюдения. Назовите и меня. Или назовите честно: гипотеза, автор под вопросом.

— Да название — не протокол, — отмахнулся Тален. — Это же так, для звучности. В протоколе всё как надо будет, там разберутся. Название — ерунда.

— Но люди запомнят название, — сказала Ная. Не зло — просто зная своё дело. — Протокол прочтут трое. А «Линию Талена» — весь город. Что скажут вслух, то и станет правдой. Название и есть то, что запомнят.

Дорен, чтоб не ссорить всех, отложил уточнение авторства «на потом, когда проверят». Ещё одно «потом».

А публика уже смотрела на устойчивый рисунок — Берном, правда, укрепленный, но кто ж это видел, — и восхищалась, и пошли первые запросы: дайте нам этот метод, применим у себя.

Тален знал силу имени лучше всех — сам жил ради имени. И притворялся, что оно пустяк. «Название — ерунда» говорил тот, для кого название было всем.

Публичный интерес рос. И городу понадобился официальный статус — временный, осторожный. Чтоб оформить.



В Палате Завершений оформляли статус. Салет, которому нужен был рабочий итог для своих дел, торопил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.